**Михаил
ДЕРЖАВИН:**

Театр, который ненавижу

В будущем году я отмечу юбилей — сорок лет гастролей. С них началась моя работа на сцене: после училища имени Щукина меня пригласили в Театр имени Ленинского комсомола. Я сдавал выпускные экзамены, а театр тем временем уехал на гастроли по Волге — в Куйбышеве я его догнал. На вокзале меня, мальчишку, встретил главный администратор, Владимир Владимирович Эман, огромный, толстый, седой, добрый человек. Он торжественно сказал: «Пойдемте в отель» — и повел меня через весь город. Было шесть утра, ботинки у него завязаны не были, и шнурки болтались, как макароны. Мы пришли в гостиницу, я порадовался тому, какая она уютная, а Владимир Владимирович сказал: «Минуточку, Михаил, сейчас мне завяжут ботинки. Когда я вышел из гостиницы, чистильщика обуви, который всегда это делает, еще не было, а сам я не беру в руки шнурки из-за живота». Чистильщик завязал шнурки двойным узлом (я запомнил его на всю жизнь и до сих пор применяю), и Эман повел меня в маленький домик, где для меня была снята крохотная комнатка. Соседом моим оказался сильно пьющий театральный оркестрант.

Я получил замечательный урок. Во-первых, узнал, как надо завязывать шнурки, во-вторых, выслушал пророческое наставление Эмана: «Мишенька, не расстраивайся, это твои первые шаги в искусстве. У тебя еще будут шикарные отели». Так и вышло — недавно я возвратился из Нью-Йорка, где жил в дорогом отеле на Таймс-сквер, ездил в «линкольне», играл на Бродвее и вспоминал Владимира Владимировича.

Закончилась моя куйбышевская эпопея не вполне обычно. В спектакле, посвященном молодым годам Ленина, я переодевался пятнадцать раз, играл рыбака, рабочего, бородатого мужика, эсера, пел вместе с Лениным народные песни. Подводя итоги гастролям, народный артист Вовси особо отметил Мишу Державина, сына знаменитого актера, несмотря на свою молодость, преданно

служащего Театру... После собрания он подошел к тому, кого только что осчастливил: «Мишенька! К тебе огромная просьба. У меня путевка в Кисловодск, а тут, на гастролях, я сварил немножко вареньица. Ты едешь в Москву — нетрудно тебе будет передать пару баночек моей дочке Ларочке?» Я был дико польщен тем, что он обратился именно ко мне. Но «баночки» оказались трехлитровыми банками, и на перроне я увидел, что точно такую же стеклотару тащат еще несколько человек, — потрясающий театр, здесь все делают варенье! Подошел я, в простоте душевной, к артисту Кольчеву, спросил: «Юра, вы тоже варенье варили?» Нет, ответил он, это наварил сволочь Вовси.

Наша гастрольная жизнь была очень разной. Вы представляете, что происходит, когда в гостинице города Челябинска встречаются водный цирк и Театр сатиры? У наших актеров и прыгавших в воду циркачек начались замечательные романы, и гастроли стали срываться: актеры на сцене падали с ног, циркачки прыгали мимо бассейна. Наш директор и директор цирка решили все это прекратить. Был вывешен приказ: у одной из артисток цирка обнаружена серьезная венерическая болезнь, всем надо пройти медицинское обследование. Три дня в отеле были заморозки, все ходило мрачные, а потом мудрый Шура Ширвиндт сказал: «Все это ерунда. Ничего не может быть, девчонки целый день сидят в хлорке».

У меня за плечами много веселого, но такие гастроли, о которых так точно пишет Ольга Богомолова, я не люблю. Не люблю, когда артисты напиваются до потери пульса, когда вместо них выходят играть администраторы. К счастью, я вырос у таких режиссеров, как Анатолий Васильевич Эфрос и Валентин Николаевич Плучек, остро ненавидевших подобные безобразия. Они и нам это привили. Мы ездили на другие гастроли: рядом с Плучеком, человеком другого века, другой — высшей — театральной культуры, никто не мог сделать ничего стыдного. А сейчас каждый чувствует себя свободным художником и, вдохновленный ощущением безнаказанности, вытворяет черт знает что.

Это то, что я ненавижу в нынешнем театре.